

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13843

EDN: PINVCZ

Заметки Н. В. Гоголя «К 1-й части» «Мертвых душ»: проблемы поэтики и текстологии

И. А. Виноградов

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: info@imli.ru

Аннотация. Главной проблемой, решаемой в статье, явился вопрос о датировке черновых набросков Гоголя с авторским «рабочим» названием «К 1-й части». На протяжении почти ста лет принято было считать, что эти наброски, относящиеся к первому тому «Мертвых душ», написаны после выхода в свет этого тома в 1842 г. Произвольная датировка заметок «К 1-й части» 1845–1846 гг. опровергается многочисленными фактами, свидетельствующими, что образы и мотивы заметок были «вкраплены» Гоголем в общую ткань поэмы. Впервые на эти переклички указал в 1987 г. В. А. Воропаев, датировавший наброски 1839–1840 гг. К текстологическим наблюдениям, сделанным исследователем, в статье добавлены новые, позволяющие проследить эволюцию текста. Проанализирован также авторский замысел, каким он предстал в набросках, и то, с помощью каких средств он реализован в поэме. Совокупные данные текстологии и поэтики позволяют уточнить датировку заметок, приурочив их к первым месяцам 1841 г. В заметках содержится план автора выразить в «сплетнях» и «безделье» города N. в первом томе поэмы широкое прообразовательное значение, придав картине выражение общего «безделья» мира. Для воплощения этого замысла Гоголь наметил привести в поэме несколько аналогий к «бездельной» жизни «мертвых душ» — «включить все сходства и внести постепенный ход». В окончательном тексте поэмы такими «сходствами» стали типологически «родственные» сплетням гадательные «ученые рассуждения», предсказания лжепророков и псевдо-духовная литература. Все они, вместе взятые, объясняют, по Гоголю, многочисленные заблуждения человечества в мировой истории — следование «болотным огням», «заносащим далеко в сторону дорогам». Слухи об антихристе, возникающие в «пустоте» города, подсказывают, что в заключительных главах первого тома писатель изображает, как ранее в «Ревизоре», преапокалиптическое состояние общества, приближение последних времен, которое для некоторых в действительности становится «последним часом» (смерть прокурора).

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, биография, творчество, авторский замысел, притча, символизм, интерпретации, учительство, художественная проповедь, духовное наследие

Для цитирования: Виноградов И. А. Заметки Н. В. Гоголя «К 1-й части» «Мертвых душ»: проблемы поэтики и текстологии // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 50–87. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13843. EDN: PIHVZ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13843

EDN: PIHVZ

Notes by N. V. Gogol “To the 1st Part” of “Dead Souls”: Problems of Poetics and Textual Criticism

Igor' A. Vinogradov

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: info@imli.ru

Abstract. The main problem solved in the article was the issue of dating Gogol’s rough sketches with the author’s “working” title “To the 1st part.” For almost a hundred years, it was generally accepted that these sketches, related to the first volume of *Dead Souls*, were written after the publication of this volume in 1842. The arbitrary dating of the notes “To the 1st part” to 1845–1846 is refuted by numerous facts indicating that the images and motifs of the notes were “interspersed” by Gogol into the overall fabric of the poem. These references were first pointed out in 1987 by V. A. Voropaev, who dated the sketches to 1839–1840. New observations were added to the textual observations made by the researcher, allowing one to trace the evolution of the text. The author’s intention, as it appears in the sketches, is also analyzed along with the means by which it is realized in the poem. The combined data of textual criticism and poetics make it possible to clarify the dating of the notes, attributing them to the first months of 1841. The notes contain the author’s plan to express a broad educational meaning in the “gossip” and “idleness” of the city of N. in the first volume of the poem, endowing this the representation with an expression of a general “idleness” of the world. To realize this plan, Gogol planned to bring up several analogies to the “idle” life of “dead souls” in the poem, i.e., “to include all the similarities and introduce a gradual progression.” In the final text of the poem, such “similarities” were typologically “related” to gossip: fortune-telling “scientific reasoning”, predictions of false prophets and pseudo-spiritual literature. According to Gogol, all of them, taken in their totality, explain the numerous misconceptions of mankind in world history — following the “swamp

lights,” “roads that lead far to the side.” Rumors about the Antichrist arising in the “emptiness” of the city suggest that in the final chapters of the first volume the writer depicts, as earlier in “The Government Inspector,” the pre-apocalyptic state of society, the approach of the last times — which for some, in fact, become the “last hour” (the death of the prosecutor).

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creativity, author’s intention, parable, symbolism, interpretation, teaching, artistic preaching, spiritual heritage

For citation: Vinogradov I. A. Notes by N. V. Gogol “To the 1st Part” of “Dead Souls”: Problems of Poetics and Textual Criticism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 2, pp. 50–87. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13843. EDN: PIHVCZ (In Russ.)

1. Заметки «К 1-й части» и заключительные главы «Мертвых душ»

Среди сравнительно ограниченного объема гоголевских рукописей сохранились черновые наброски, позволяющие детально проследить сам процесс художественного творчества, войти в лабораторию писателя. Эти уникальные заметки являют собой подготовительный этап работы Гоголя над его главным произведением — поэмой «Мертвые души». Заметки дают возможность увидеть конкретные приготовления к реализации замысла, или, как шутил Гоголь, «возню» на писательской «кухне», где художник готовит свое литературное «блюдо» (письмо к С. Т. Аксакову от 6 марта (н. ст.) 1847 г.)¹. Сохранив эти наброски от уничтожения, Гоголь словно сам «пригласил» читателей в свою мастерскую, чтобы те «могли вывести заключение об обеде», увидев «множество таких странных и необыкновенных кастрюль и <...> таких орудий, о которых и подумать бы нельзя было, чтобы они требовались для приготовления обеда, что у них закружилась голова» (14: 149).

Сходным образом еще в 1834 г., т. е. за год до начала работы над «Мертвыми душами», Гоголь по поводу «самых сильно-религиозных христианских» Средних веков (6: 274) замечал:

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 14. С. 149. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

«Все, что мы имеем, <...> — все это <...> образовалось в темные, закрытые для нас Средние века. <...> ...без глубокого и внимательного исследования их <...> не полна Новая история; и слушатели ее похожи на посетителей фабрики, которые изумляются быстрой отделке изделий, совершающейся почти перед глазами их, но позабывают заглянуть в темное подземелье, где скрыты первые всемогущие колеса, дающие толчок всему: такая история похожа на статую художника, не изучившего анатомии человека» (7: 177).

Сохранившиеся уникальные гоголевские заметки, носящие «рабочее» заглавие «К 1-й части», позволяют наглядно увидеть в знаменитой поэме Гоголя «первые всемогущие колеса, дающие толчок всему», дают возможность постичь ее духовную «анатомию», а это заставляет анализировать их содержание с особой тщательностью, быть предельно внимательным к интерпретации и датировке рукописи, к той художественной логике, которая пронизывает сам творческий процесс.

История интерпретаций заметок «К 1-й части» насчитывает уже более ста лет. Вследствие долгого господства в обществе негативного отношения к духовному наследию Гоголя (этот недоброжелательный взгляд является «наследием» В. Г. Белинского) значительных успехов в постижении сути гоголевских заметок достигнуто, однако, не было. Напротив, под влиянием радикальной идеологии утвердилось мнение, будто никакого отношения к созданию первого тома «Мертвых душ», напечатанного в 1842 г., эти заметки не имеют, но представляют собой будто бы позднейшие «аллегорические» домыслы Гоголя к уже написанному ранее произведению.

Подобные мнения долго являлись господствующими и в отношении других гоголевских текстов духовно-нравственного содержания. Там, где писатель открыто указывал на религиозный смысл своей литературной деятельности, принято было видеть выражение попыток автора «переписать» свое прежнее творчество, придать ему якобы не существовавший в нем изначально смысл. Надуманной «аллегорией», к примеру, предлагалось считать «Развязку Ревизора», подлинное отношение которой к гоголевской комедии открывается лишь в самое последнее время [Виноградов, 2000: 275–312; 2018: 67–84]. Еще одним способом «реинтерпретации» гоголевского наследия

на радикально-политический лад были попытки отнести те его произведения, где духовная проблематика очевидна, к позднему, «болезненному» периоду. Сторонники таких мнений старались не замечать тот факт, что часть этих произведений была написана Гоголем в расцвете сил. Ангажированная «датировка» сопровождала, например, гоголевское «Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует "Ревизора"» — важный писательский «документ», нравственное пояснение автора к комедии. Вместо реального времени создания «Предупреждения...» — 1841 г. — предлагалась дата гораздо более поздняя — 1846 г. (подробнее см.: [Виноградов, 2018]).

Сходная судьба постигла и авторские заметки «К 1-й части». С самых первых толкований этих гоголевских набросков утверждалось, будто они относятся к позднему этапу творчества писателя — к тому периоду, когда тот будто бы принялся «переосмыслить» свои прежние сочинения, пытаясь «навязать» «Ревизору» и «Мертвым душам» иной, отличный от прежнего, радикально-политического, смысл.

Между тем даже по общему содержанию заметки «К 1-й части» с очевидностью являются несомненными *предварительными* набросками к «городским» главам первого тома «Мертвых душ» 1842 г. (восьмой — десятой и, частично, одиннадцатой). Не заметить это может только очень предвзятый взгляд.

Относительно небольшой объем заметок позволяет привести текст в полном объеме:

«К 1-й части

Идея Города. Возникшая до высшей степени Пустота. Пустословие, Сплетни, перешедшие пределы, как все это возникло из безделья и приняло выражение смешного в высшей степени. Как люди неглупые доходят до делания совершенных глупостей. [Как с сплетнями]²

Частности в разговорах дам. Как к общим сплетням примешиваются частные сплетни, как в них не щадят одна другую. Как созидаются соображения, как эти соображения восходят до верха смешного. Как все невольно занимаются сплетнями, и какого рода Бабочки и юпки образуются.

² Не дописано.

Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются. Смерть поражает нетрогающийся мир. — И еще сильнее между тем должна предстать читателю Мертвая бесчувственность жизни.

Проходит [жизнь] страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта в том тайна. Не ужасное ли это явление. Жизнь бунтующая, праздная, не страшно ли великое она явление. Бал слепи<т>. Золото. Танец. Плечи. При бальном сиянии, при фраках, [при] сплетнях и визитных билетах [никто не заметит] никто не угадает последн<его> часа>.

Частности. Дамы ссорятся именно из-за того, что одной хочется, чтобы Чичиков был [вот что] тем-то, другой тем-то, и потому принимает только те слухи, которые сообразны с ее идеями.

Явление других дам на сцену.

Дама приятная во всех отношениях имеет чувственные склонности и любит рассказывать, как она иногда побеждала чувственные склонности, и посредством ума своего, и чем умела не допустить до слишком коротких с нею изъяснений... Впрочем, это случалось само собою, очень невинным образом. До коротких объяснений никто не доходил уже потому, что она и в молодости своей имела что-то похожее на будочника, несмотря на все свои приятности и хорошие качества.

"Нет, милая, я люблю, понимаете, сначала мужчину приблизить и потом удалить; удалить и потом приблизить". Таким же образом она поступает и на бале с Чичиковым... У других тоже состраиваются идеи, как себя вести. Одна почтительна. Две дамы, взявшись под руки, ходили и решили хохотать, как можно дольше. Потом нашли, что совсем у Чичикова нет манер и внеш<ности?> хороших.

Дама приятная во всех отношениях любила читать всякие описания балов. Описание Венского конгресса ее очень занимает. Туалет любила дама, то есть, замечать на других, что на ком хорошо и что не хорошо.

Сидя рассматривают входящих. "Н<адворная> совет<ница> не умеет одеваться, совсем не умеет. Этот шарф так ей не идет..." "Как хорошо одета губерна<торская> дочка <2 нрзб.>". "Милая, она так гадко одета". "Уж если и так [ну] <1 нрзб.>".

Весь Город со всем вихрем сплетней преобразование бездельности жизни всего человечества в массу. Рожден бал и все соединения. Сторона главная, бальная, общества.

Противуположное ему преобразование во II <части?>, занятой разорванным бездельем.

Как низвести все [безделья] мира безделья во всех рода<х> до сходства с городским бездельем? и как городское безделье возвести до преобразования безделья мира?

Для <этого?> включить все сходства и внести постепенный ход» (5: 502–503).

Содержание заметок в общих и частных чертах прямо отзывается в восьмой — одиннадцатой главах первого тома «Мертвых душ», однако, в отличие от художественно совершенного, оконченного текста поэмы, как раз и обнаруживает те самые «первые всемогущие колеса, дающие толчок всему», о которых говорил Гоголь (7: 177).

Восьмая глава поэмы начинается с возникновения толков и слухов о Чичикове: она включает обсуждение чиновниками приобретений героя, содержит характеристику «презентабельных» дам, повествует о бале у губернатора и состоянии Чичикова после бала. В девятой главе говорится о визите «просто приятной дамы» к «даме, приятной во всех отношениях», вследствие чего умножающийся «вихрь» сплетен о Чичикове стремительно ускоряется. В десятой главе описывается совещание по поводу слухов губернских чиновников, их собственные догадки о Чичикове и смерть прокурора. В одиннадцатой главе, кроме чичиковской биографии (которая составляет отдельную, «ретроспективную» часть поэмы), говорится о состоянии героев во время похорон прокурора; в финале приводится пространное разъяснение автора, с какой целью он избрал Чичикова в герои поэмы, с призывом к читателю обратить взгляд на самого себя, а также прямое сравнение поэмы с *городом*: «Автор, <...> если уже <...> падет на него <...> обвинение за невзрачность лиц и характеров, может привести одну причину. <...> Въезд в какой бы ни было город <...> всегда как-то бледен, все как-то сначала серо и однообразно»³.

³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 7. Кн. 1 / тексты и коммент. подгот. Н. Л. Виноградская, П. Ю. Гуревич, Е. Е. Дмитриева, И. А. Зайцева, Ю. В. Манн, О. К. Супронюк, А. С. Шолохова. С. 711. Далее

Эта общая картина, изображенная в «городских» главах тома, в главных чертах почти исчерпывающе (за исключением чичиковской биографии) представлена в предварительных заметках «К 1-й части». В главах поэмы отразились не только общие контуры сюжета, но и многочисленные частные детали, содержащиеся в заметках.

Рассматривать записи как «предварительные черновые заметки к первой части "Мертвых душ"» (в полном объеме, включая начальные главы) было бы ошибочно. Еще в 1889 г. Н. С. Тихонравов отметил, что гоголевские наброски «нельзя считать первоначальным планом первой части "Мертвых Душ", начертанным при самом начале работ над нею» [Тихонравов: 509–510]. Опровержением взгляда, что заметки являются проспектом для всего тома (такое мнение высказала в 1972 г. А. А. Елистратова [Елистратова: 20]), может служить само их название — «К 1-й части». Это заглавие косвенно указывает на то, что Гоголь одновременно работал уже и над второй «частью» поэмы — а это могло произойти не ранее 1839–1840 гг. Именно с этого времени писатель, согласно нескольким достоверным свидетельствам, приступил к работе над вторым томом «Мертвых душ»⁴ [Виноградов. Летопись; т. 3: 130]. Следовательно, можно заключить, что черновые наброски «К 1-й части» являются проспектом лишь заключительных глав тома.

Однако тот же Тихонравов, резонно отвергая принадлежность заметок «К 1-й части» к самому началу работы над «Мертвыми душами», в то же время выдвинул необоснованное предположение, будто набросок относится к гораздо более

ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Гоголь, 2012* и указанием страницы в круглых скобках.

⁴ Отсылка ко второму тому поэмы имеется не только в заглавии, но и в самом тексте наброска «К 1-й части»: «...город <...> преобразование бездельности жизни <...>. Противуположное ему преобразование во II <части?>, занятой разорванным бездельем» (5: 503). — Осмыслить в достаточной мере характеристику в заметках второго тома — как части, «занятой разорванным бездельем», — на основании сохранившихся глав сожженной автором части поэмы представляется затруднительным. Напрашивается предположение, что в героях второго тома Гоголь хотел «изобразить людей, смутившихся от своих пороков и устремившихся к истине» [Марковский: 180], т. е. что «безделье» будет частично преодолено — «разорвано» (разомкнуто) [Виноградская, Гуревич, Дмитриева и др.: 815]. Однако мысль Гоголя, возможно, заключалась в другом.

позднему периоду — ко времени сожжения Гоголем второго тома «Мертвых душ» в 1845 г. [Тихонравов: 514].

В качестве решающего текстологического аргумента Тихонравов приводил то, что мелкими «частностями» о «чувственных наклонностях» «дамы приятной во всех отношениях» и ее любви к описаниям балов Гоголь в первом томе не воспользовался [Тихонравов: 515]. Будучи по своим убеждениям «западником типа Грановского и Тургенева» [Сакулин: 36]⁵, исследователь полагал, будто эти (незначительные) частности были «проектированы автором после напечатания этого тома», и «переделать первый том поэмы по новому плану» автор якобы «не успел» [Тихонравов: 515].

Еще одним — формальным — аргументом Тихонравова в пользу датировки заметок поздним периодом было то, что они, по его наблюдению, «набросаны на такой же точно бумаге, на какой написана первая редакция "Размышлений о Божественной литургии"», «восходящая», по мнению Тихонравова, к 1845–1846 гг. [Тихонравов: 515]⁶. Однако очевидно, что и этот аргумент не может служить достаточным основанием для отнесения наброска «К 1-й части» к позднему периоду. Во-первых, Гоголь при создании новых произведений часто пользовался чистыми листами бумаги, остававшимися с давнего времени в его портфеле (см.: [Виноградов, 2020b]). Во-вторых, указанные автографы <Размышлений о Божественной Литургии> на самом деле относятся не к 1845–1846 гг., а к зиме 1843/44 г. [Виноградов, 2009: 485, 488–493, 495–498], [Виноградов. Летопись; т. 4: 420–430].

Впоследствии, на протяжении почти всего XX в., мнение Тихонравова, некритически воспринятое, служило поводом для заявлений исследователей о «правильности» такой датировки

⁵ См. подробнее: [Карнеев: 73], [Сакулин: 25–29], [Гудзий: 18], [Медведева: 50].

⁶ Современные комментаторы [Виноградская, Гуревич, Дмитриева и др.: 821] добавляют, что бумага заметок «К 1-й части» «идентична по качеству и по размеру» с той, на которой находятся автографы <Размышлений о Божественной Литургии>, хранящихся в архиве Российской государственной библиотеки в Москве под шифрами: Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 29 («Проскомидия»; 6: 350–358); Ф. 74. К. 4. Ед. хр. 31 («...в огнях и блистаньях неслись перед ним»; 6: 396–405).

[Жданов, Зайденшнур: 893], для утверждений, что наброски «возникли на почве уже созданного произведения и вели лишь к еще более четкому выявлению его структуры» [Смирнова, 1982: 170], что они предназначались в качестве «подготовительных набросков» для последующего «переиздания первого тома» [Смирнова, 1987: 65] (см. также: [Марковский: 179–180], [Манн: 233–237], [Виноградская, Гуревич, Дмитриева и др.]).

В 1987 г. это расхожее мнение было подвергнуто критике в обстоятельной статье В. А. Воропаева, обнаружившего многочисленные реминисценции наброска в тексте заключительных глав первого тома [Воропаев, 1987]. Была фактически доказана неверность датировки гоголевских заметок поздним временем.

Однако значимость открытия так и не была осознана. В 2012 г. в новом академическом издании сочинений Гоголя конкретные текстологические наблюдения В. А. Воропаева были проигнорированы. Заметки «К 1-й части», несмотря на факты, были по-прежнему ошибочно датированы здесь 1845–1846 гг. [Виноградская, Гуревич, Дмитриева и др.: 813, 818–823]. (Естественно, это ставит под вопрос точность датировок в новом издании и других черновых автографов «Мертвых душ».)

В результате тщательной текстологической работы, проведенной в 1987 г. В. А. Воропаевым, было установлено, что не только общее содержание, но практически все содержащиеся в заметках «К 1-й части» частные мотивы и образы, за незначительными исключениями, были «вкраплены» Гоголем в общую ткань поэмы. Подытожим эти наблюдения, добавив ряд новых. В поэме подготовительный материал заметок «К 1-й части» был распределен следующим образом:

1. Самые первые строки заметки: «Идея Города. Возникшая до высшей степени Пустота. Пустословие, Сплетни, перешедшие пределы, как все это возникло из безделья и приняло выражение смешного в высшей степени. Как люди неглупые доходят до делания совершенных глупостей» (5: 502) — нашли отражение в истории возникновения и распространения городских сплетен, развернутой в восьмой и девятой главах, а также влияния их на доходящих до «глупостей» чиновников, «людей неглупых», в главе десятой:

«И могли так спутаться, сбиться с толку и растеряться Чиновники, <...> заехать в такую околесину, набредить, напутать сами себе такой вздор, когда ребенок даже видит, что это вздор. <...> И произведут бедных чиновников моих в пошлейших дураков...» (Гоголь, 2012: 673–674); «И ему случалось видеть не мало мужчин очень *не глупых* и даже весьма бойких на счет проницательности и осмотрительности, но которые, однако ж, в этом случае пожимали только плечами и на лицах их выказывалось самое глупейшее выражение, какое когда-либо было видимо на человеческом лице...» (выделено нами. — И. В.) (Гоголь, 2012: 646; отмечено: [Воропаев, 1987: 182]).

2. В девятой главе также были воплощены отдельные строки наброска о сплетнях (из раздела «*Частности* в разговорах дам»): «Как к общим сплетням примешиваются частные сплетни, как в них не щадят одна другую. Как созидаются соображения, как эти соображения восходят до верха смешного» (5: 502). Здесь главное место занимают сплетни о Чичикове (отмечено: [Воропаев, 1987: 182]).

3. Замечание о том, как в сплетнях дамы «не щадят одна другую», и упоминание о «чувственных наклонностях» одной из них (5: 502) отразились в поэме в следующих строках:

«...сквозь любезность прокрадывалась часто сильная стремительность женского характера, и в иных случаях едкой нескрытою вооружались ее наружно холодные речи, а уж не приведи Бог, что кипело в сердце ее против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые» (Гоголь, 2012: 624); «"...а наш Прелестник-то... Ах, <...> до какой степени он мне показался противным". — "Однако ж <...> Вы были немножко неравнодушны к нему"» (Гоголь, 2012: 637). — «Никогда, никогда, <...> а разве со стороны каких-нибудь иных дам, которые играют роль недоступных» (5: 180). — «"Уж извините <...> за мной подобных скандальозностей никогда не водится. <...>". — "Однако ж <...> ведь Вы первая захватили стул у дверей". <...> в разговоре нечувствительно вдруг само собою родится <...> желание кольнуть друг друга...» (Гоголь, 2012: 638; отмечено: [Манн: 235]?).

⁷ «...Софья Ивановна говорит с иронией об "иных дамах", которые "играют роль недоступных", явно подразумевая Анну Григорьевну, т. е. даму приятную во всех отношениях. Последняя же подпускает шпильку тем, которые "были неравнодушны" к Чичикову, имея в виду, очевидно, свою собеседницу, то есть даму просто приятную. Словом, намечается

4. Одна из намеченных в наброске «частностей» в облике дам — «дамы ссорятся именно из-за того, что одной хочется, чтобы Чичиков был тем-то, другой тем-то, и потому принимает только те слухи, которые сообразны с ее идеями» (5: 502), — отзывается в дамских репликах в девятой главе:

«"...так он за старуху принялся. Ну хорош же после это<го> вкус у наших дам: нашли в кого влюбиться". — "Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы полагаете"» (Гоголь, 2012: 632).

5. Оскорбленная «критика» дам в адрес Чичикова, содержащаяся в наброске («Две дамы <...> нашли, что совсем у Чичикова нет манер и внеш<ности> хороших» — 5: 503), отзывается еще раз в реплике одной из дам в девятой главе: «...он человек негодный, мерзкий человек, не знающий ни обращения, ни приличия... гадкий человек» (Гоголь, 2012: 630; отмечено: [Воропаев, 1987: 183]).

6. Ревнивая полемика дам о губернаторской дочке («"А мужчины от нее без ума <...>..." — "Манерна нестерпимо". <...> "Но <...> она статуя и бледна, как смерть". — "Не говорите, <...> не бледна, а румянится безбожно"» — Гоголь, 2012: 635) тоже восходит к строкам наброска «К 1-й части»: «"Как хорошо одета губерна<торская> дочка..." — "Милая, она так гадко одета"» (5: 503; отмечено: [Воропаев, 1987: 183]).

7. Заметка в наброске «Туалет любила дама, то есть, замечать на других, что на ком хорошо и что не хорошо» (5: 503), — отзывается в одновременно одобрительных и неодобрительных репликах дамы в девятой главе по поводу модных платьев:

«"Какой веселенький ситец!" воскликнула во всех отношениях приятная дама, глядя на платье просто приятной дамы" (Гоголь, 2012: 626); «Милая, это пестро» (Гоголь, 2012: 169); «...это <...> прескверно <...>, если все фестончики» (Гоголь, 2012: 627; отмечено: [Воропаев, 1987: 183]).

8. Слова наброска «Жизнь бунтующая, праздная...» (5: 502) находят воплощение в следующих строках поэмы: «...обе дамы <...> отправились каждая в свою сторону бунтовать и соперничество обеих дам и "чувственные наклонности" дамы приятной во всех отношениях, прикрываемые маской недоступности...» [Манн: 235].

город. <...> Город был решительно взбунтован...» (*Гоголь, 2012: 641–642*). Соответствующее развитие в девятой главе получает и фраза «Весь Город со всем вихрем сплетней...» (5: 503):

«...пошли толки, толки, и весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку и Чичикова <...>. Как вихорь взметнулся дотоле, казалось, дремавший город!» (5: 184; отмечено: [Воропаев, 1987: 182]).

9. Строки о бале: «Бал слепи<т>. Золото. Танец. Плечи. При бальном сиянии, при фраках, [при] сплетнях и визитных билетах [никто не заметит] никто не угадает последн<его часа>» (5: 502) — отзываются в картине зарождения сплетен в девятой главе, в словах о «визитной карточке» (вещи «священной») в восьмой главе (5: 153) и в описании в той же главе губернского го бала:

«Дамы <...> обступили его блистающею очаровательною вереницею <...>. Шея, плечи <...> открыты...» (*Гоголь, 2012: 597–598*); «...весь бал со всей толпой, люстрами, свечами, плечами, картами, <...> скрипками...» (*Гоголь, 2012: 609*); «Галопад летел во всю пропалую: <...> все поднялось и понеслось...» (5: 158).

Те же строки наброска (о внезапно настигающем человека «последнем часе») отзываются в повествовании о скоропостижной смерти прокурора в десятой главе (а также в картине похорон в одиннадцатой, где Чичиков «с каким-то неизъяснимым, странным чувством и вместе с некоторого рода испугом» смотрит на покойника (*Гоголь, 2012: 682*), тогда как идущие за гробом чиновники заняты мыслями о том, каков будет новый генерал-губернатор, а дамы, сопровождающие процессию в каретах, делают предположения насчет балов и обсуждают новые наряды).

10. Таким образом получают развитие и строки наброска:

«Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются. Смерть поражает нетрогающийся мир. — И еще сильнее между тем должна предстать читателю Мертвая бесчувственность жизни.

Проходит [жизнь] страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта в том тайна. Не ужасное ли это явление» (5: 502).

Эти слова дополнительно отзываются в поэме размышлениями повествователя по поводу смерти прокурора:

«Еще одна жизнь убежала из мира... <...> ...зачем он умер или зачем жил — об этом один Бог ведает. <...> "...вот, я думаю, напечатать в газетах, что скончался к всеобщему прискорбию подчиненных и всего человечества почтенный Гражданин, редкий отец, примерный супруг... <...> ...а ведь если разобрать хорошенько дело, так у тебя, может быть, на поверку всего и было только что густые брови"» (Гоголь, 2012: 673, 683); «А между тем явление смерти так же было страшно в малом, как страшно <...> в великом человеке...» (5: 203).

Мысли о «не трогающемся» смертью мире сказались не только в изображении думающих на похоронах о житейском чиновников и равнодушии дам «в траурных чепцах» (Гоголь, 2012: 683). «Житейские разговоры» «обыкновенно ведут между собою провожающие покойника», — замечает автор (5: 212). Мысль о том, что «смерть поражает нетрогающийся мир», Гоголь воплотил также в скором утешении Чичикова, успокоившего себя пришедшейся к месту двусмысленной приметой: «Это, однако ж, хорошо, что встретились похороны; говорят, значит счастье, если встретишь покойника» (Гоголь, 2012: 683)⁸; а также в гоголевской иронии по поводу героев «из народа» — чичиковских Селифана и Петрушки, разглядывающих с козел «бесконечную погребальную процессию» (Гоголь, 2012: 682):

«...Селифан и Петрушка, *набожно* снявши шляпы, рассматривали, кто, как, в чем и на чем ехал, <...> сколько числом шло пешком,

⁸ Как замечает В. А. Воропаев, встреча с покойником могла бы быть для Чичикова действительным «счастьем», т. е. стать для него душеполезной, заставить подумать «и о душе» (5: 356) [Воропаев, 2008: 115–117]. Однако благодаря «услужливой» примете (или тому, какой смысл вкладывает в нее герой), похороны приобретают для него успокоительный смысл, оставляют его в прежнем житейском устроении, «память смертная» улетучивается: жизнь продолжается, «счастье», ждущее впереди, — новые приобретения, жизнь в «богатстве и довольстве» (5: 220). Из народной приметы герой, в отличие от автора, способен извлечь лишь низменный, «языческий» смысл: кому-то — похороны, тебе — счастье.

а сколько ехало в карете» (выделено нами. — И. В.) (Гоголь, 2012: 682–683).

Явление смерти отзывается во всех этих героях лишь «набожным» сниманием шляп, ношением «траурных чепцов» и утешительным для себя припоминанием «встречных» псевдо-духовных примет.

11. Важная задача, поставленная в наброске: «Как низвести все [безделья] мира безделья во всех рода<х> до сходства с городским бездельем? и как городское безделье возвести до преобразования безделья мира? Для <этого?> включить все сходства и внести постепенный ход» (5: 503), — решается автором внесением в поэму сразу нескольких соответствующих мотивов и размышлений (в соответствии с задачей: «включить все сходства»).

Первым, или главным «сходством» являются размышления автора по поводу нелепой веры чиновников в слухи:

«А разверните гремящую летопись человечества, что в ней? Сколько <...> в ней <...> столетий, которые бы <...> вычеркнул как ненужные» (Гоголь, 2012: 674).

Во-вторых, той же задаче служит аналогичное замечание рассказчика по поводу нелепых дамских догадок о Чичикове:

«...в этом ничего нет необыкновенного: наша братья народ умный, как мы [любим] называть себя неизвестно по какой причине, поступает иногда почти так, а доказательством наши ученые рассуждения...» (Гоголь, 2012: 640).

Третьим «сходством», родственным гадательным «ученым рассуждениям» и заблуждениям человечества в истории, можно назвать (несмотря на то, что оно выглядит гораздо менее важным) упоминание в поэме об игнорировании «пустым» человеком в болезни докторов при самостоятельном изобретении «декохтов из невесть какой дряни» (5: 200), обращении к «шарлатану» (Гоголь, 2012: 670) и «бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками» (5: 200).

На завершающем этапе работы Гоголь внес в поэму по крайней мере *еще два* важных «сходства», характеризующих городское безделье и слухи как проявление «безделья мира

во всех родах», — безответственную, вводящую в заблуждение словесность и самозваную деятельность современных лже-пророков, «духовных вождей» общества, приводящую к такому же результату (см. ниже).

12. Не были напрямую использованы в поэме лишь отдельные «частности» в характеристиках дам (хотя упоминаемые в набросках «чувственные наклонности» дамы (5: 502) — чреватые «скандальностью» — в ее репликах косвенно отразились; см. выше, пункт 3):

«Дама приятная во всех отношениях имеет чувственные наклонности и любит рассказывать, как она иногда побеждала чувственные наклонности, и посредством ума своего, и чем умела не допустить до слишком коротких с нею изъяснений... Впрочем, это случалось само собою, очень невинным образом. До коротких объяснений никто не доходил уже потому, что она и в молодости своей имела что-то похожее на будочника, несмотря на все свои приятности и хорошие качества.

"Нет, милая, я люблю, понимаете, сначала мужчину приблизить и потом удалить; удалить и потом приблизить". Таким же образом она поступает и на бале с Чичиковым... У других тоже состраиваются идеи, как себя вести. Одна почтительна. Две дамы, взявшись под руки, ходили и решили хохотать, как можно дольше. <...>

Дама приятная во всех отношениях любила читать всякие описания балов. Описание Венского конгресса⁹ ее очень занимает» (5: 502–503).

Судя по строкам наброска: «Сторона главная, бальная, общества» (5: 503) — и тому «ключевому» значению, какое всегда придавал Гоголь балам и танцу (см.: [Виноградов, 2020а: 84–86]), сначала он намеревался дать в «Мертвых душах» более подробное описание бала, но затем отказался от этого. Главным в бальных

⁹ Венский конгресс 1814–1815 гг. сопровождался непрерывными балами и празднествами, за что получил название «танцующего конгресса». Описанием балов увлекаются у Гоголя и другие герои — выведенные задолго до завершения первого тома «Мертвых душ». В «Записках сумасшедшего» (1835): «Читал "Пчелку" (имеется в виду газета "Северная Пчела". — И. В.). <...> очень приятное изображение бала, описанное курским помещиком. Курские помещики хорошо пишут» (3/4: 161). (1836): «Вот недавно <...> один поручик пишет к одному приятелю своему и описал бал и жизнь свою с таким искусством... очень хорошо! "Я провожу, говорит, время с крайним удовольствием, барышень, говорит, много, музыка играет, штандарт скачет..." С большим, с большим чувством описал» (7: 386).

сценах стало поведение и чувства Чичикова, остальное было сокращено (для героя, встретившего в блестящем собрании губернаторскую дочку, «весь бал <...> со всем своим говором и шумом <...> показался как будто бы <...> где-то вдали» — *Гоголь, 2012: 608*).

О разных ухищрениях дам с целью привлечь на балу внимание «миллионщика» (намеченных в предварительных набросках) осталась лишь фраза:

«...Дамы, кажется, не хотели его оставить так скоро, и каждая внутренно решила употребить с своей стороны все возможные орудия, так опасные для бедных сердец наших, чтобы привлечь и совершенно поразить его, [и каждая] втайне решила пустить в дело то, что у нее было лучшего» (*Гоголь, 2012: 606*).

Не был передан в поэме, с буквальной точностью, и предполагавшийся в заметках «бальный» эпизод «Сидя рассматривают входящих. "Н<адворная> совет<ница> не умеет одеваться, совсем не умеет. Этот шарф так ей не идет..."» (5: 503). Судя по всему, содержащиеся в черновом наброске отдельные частности Гоголь изменил или отбросил (или перенес в сцену разговора дам на дому), следуя художественной логике изображаемых событий: они могли либо «утяжелить» повествование, либо замедлить действие поэмы [Воропаев, 1987: 183].

13. Еще одним важным основанием для вывода о том, что набросок «К 1-й части» предшествует созданию восьмой — одиннадцатой глав первого тома поэмы, служит употребление в нем слова «бабич»: «Как все невольно занимаются сплетнями, и какого рода Бабичи и юпки образуются» (5: 502). При написании девятой главы Гоголь воспользовался и этой фразой, изменив лишь начальное слово: областное речение «бабич» исправил на общее — «баба», оставив при этом то же сочетание со словом «юбка» (как в записной книжке). Рассказчик, сообщая в девятой главе о мужчинах, поверивших слухам женской половины (будто Чичиков собирается похитить губернаторскую дочку), добавляет, что за это товарищи обругали их «бабами и юбками — именами, как известно, очень обидными для мужеского пола» (5: 186; отмечено: [Воропаев, 1987: 182]).

Толкование слова «бабич» встречается в записной книжке Гоголя 1840–1842 гг.: «*Бабич* — любящий разговориться и водиться с бабами» (9: 596). Заметка появилось, по-видимому, во время проживания на квартире Гоголя в Риме славянофила В. А. Панова, со слов которого она предположительно и была записана. Панов жил в Риме у Гоголя в период с февраля по начало мая (н. ст.) 1841 г. [Виноградов. Летопись; т. 3: 495–497, 535]. Слова «назвавших юбками и бабами», «обругавших их бабами и назвавших юбками» (Гоголь, 2012: 646) появились впервые в черновой редакции первого тома, относящейся к 1840 г. — первым месяцам 1841 гг. Это позволяет датировать наброски началом 1841 г.

2. «Городские главы» «Мертвых душ» и предшествующие произведения Гоголя

В. А. Воропаев дополнительно указал, что «понятия *пустоты*, *мертвенности*, *скуки* или *бездельности* жизни», о которых идет в речь в заметках «К 1-й части», являются «наиболее характерными» для Гоголя, начиная с ранних произведений: «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода» [Воропаев, 1987: 182]. 25 января (н. ст.) 1837 г. Гоголь, в частности, писал Н. Я. Прокоповичу:

«Желаю <...>, чтобы ты наконец принялся за дело. <...> Жизнь твоя не полна, ты теперь должен иногда чувствовать пустоту ее» (11: 90).

В повести «Рим» (1838–1842) Гоголь описывал впечатления героя в Париже:

«В движении вечного его кипенья и деятельности виделась теперь ему странная недеятельность... <...> ...нашел он какую-то странную пустоту даже в сердцах тех, которым не мог отказать в уваженье. <...> Призрак пустоты виделся на всем» (3/4: 185, 187–188).

Отмечено также, что воплощенная в заключительных главах первого тома «Мертвых душ» «идея города» («возникшая до высшей степени Пустота» — 5: 502) была глубоко прочувствована в 1842 г., вскоре после выхода тома в свет, критиком С. П. Шевыревым, одним из друзей Гоголя [Воропаев, 1987: 184–185]. Откликаясь печатно на «Мертвые души», тот писал

о «пустоте <...> жизни» людей типа Манилова¹⁰, «пустой бессмыслице в действиях города N»¹¹ и замечал: «...мы <...> видим, как пустая и праздная жизнь может низвести человеческую натуру до скотской»¹². Критик подчеркивал, что ранее эту тему Гоголь уже воплотил в «Ревизоре» (1836):

«Как будто сам демон путаницы и глупости носится над всем городом и всех сливает в одно: здесь, говоря словами Жан-Поля, не один какой-нибудь дурак, не одна какая-нибудь отдельная глупость, но целый мир бессмыслицы, воплощенный в полную городскую массу. В другой раз Гоголь выводит нам такой фантастический Русской город: он уж сделал это в Ревизоре...»¹³.

Судя по оценке Шевырева, замысел Гоголя, изложенный в наброске «К 1-й части», вполне удался писателю. Шевырев как читатель и критик в достаточной мере проникся авторской мыслью, являющейся основополагающей для образов поэмы. «"Безделье", по Гоголю, — указывает В. А. Воропаев, — это не просто пребывание без дела, в праздности: в мире Гоголя можно быть очень деятельным и в то же время не заниматься делом»:

«"Ноздрев был занят важным делом... <...> ...оно состояло в подборании из нескольких десятков дюжин карт одной талии..." <...> Иными словами, это деятельность, лишённая внутреннего содержания. В этом смысле вся жизнь неутомимо деятельного Чичикова есть лишь иллюзия деятельности. Так или иначе печатью "безделья" отмечены и другие герои "Мертвых душ". <...> "Бездельность жизни" — отличительная черта не только отдельных героев поэмы, но и всего города в массе. <...> Город взбудоражен, живет деятельной, насыщенной жизнью, но внутри всего этого — страшная пустота» [Воропаев, 1987: 184].

«Аналогичная ситуация, — добавляет исследователь, — в "Ревизоре"» [Воропаев, 1987: 184]. Написанному ранее «Ревизору» соответствует и отмеченная исследователями близость

¹⁰ Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7. С. 211.

¹¹ Там же. С. 207.

¹² Там же. С. 220.

¹³ Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8. С. 351.

в гоголевских заметках «К 1-й части» категорий смешного и страшного [Елистратова: 21], [Виноградская, Гуревич, Дмитриева и др.: 815]. Именно эта черта присуща в полной мере «Ревизору» как «комедии-трагедии» (см.: [Виноградов, 2024]).

Одна из ключевых тем наброска — феномен «сплетней» как явления, вводящего в заблуждение. В свою очередь, эта тема тоже была поднята Гоголем еще в «Ревизоре», где выведены «сплетники городские, лгуны проклятые» Бобчинский и Добчинский (7: 454).

Таким образом, подробный текстологический и историко-литературный анализ показывает, что заметка «К 1-й части» явилась Гоголю прямым проспектом при создании заключительных глав первого тома «Мертвых душ».

3. Эсхатология «Мертвых душ» и «Ревизора»

В пользу ранней датировки заметок «К 1-й части» говорит и сама поэтика глав, к созданию которых эти наброски послужили развернутым планом. Ретроспективный взгляд позволяет детально обозначить преемственность художественной мысли Гоголя и сделать попутно ряд принципиальных выводов о сути гоголевской поэтики.

Во-первых, следует еще раз обратить пристальное внимание на то, что заключительные главы первого тома «Мертвых душ» содержательно во многом повторяют сюжет написанного ранее «Ревизора». Так же, как в «Ревизоре», в котором чиновники со страхом ожидают ревизии, губернские служащие в поэме тоже встревожены вестью о назначении в губернию нового генерал-губернатора [Виноградов, 2000: 287, 292–293; 2018: 75, 80–81]. Именно слухи, мотив которых является ключевым для наброска «К 1-й части», играют в страхах чиновников — и в «Ревизоре», и в поэме — первостепенную роль. Их «в высшей степени» нелепость соотносится с не менее вздорной «сплетней» о «ревизоре»-Хлестакове, пущенной в ход «сороками короткохвостыми» Бобчинским и Добчинским (3/4: 300).

Во-вторых, следует указать на несомненную связь комедии и поэмы также и на «прообразовательном», символическом уровне. Как уже отмечалось, чтобы осуществить замысел, изложенный в заметках «К 1-й части», — т. е. чтобы «городское безделье» прообразовательно возвести к «безделью мира во всех

родах», — Гоголь предполагал «включить все сходства и внести постепенный ход». Говорилось также, что, следуя этой задаче, Гоголь уподобил в поэме городские сплетни (которые самым своим происхождением обязаны «безделью» — «возникли из безделья») псевдо-ученым «новооткрытым истинам» (Гоголь, 2012: 640–641) и историческими заблуждениями человечества (Гоголь, 2012: 674).

В поэме есть, по крайней мере, еще два таких же важных «сходства», которые Гоголь «включил» в текст, чтобы придать «вихрю сплетен» всеобъемлющее значение и мировой масштаб. «Вихорь» слухов и догадок, «*переходящих пределы*», доходящих до крайнего «прозрения» почтмейстера, будто Чичиков — это «выпущенный» «из острова Св. Елены» Наполеон, угрожающий России и миру, — еще более взвинчивает и умножает вера обывателей в «предсказание» о бывшем французском императоре «одного пророка, уже три года сидевшего в остроге»:

«Пророк пришел неизвестно откуда в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлою рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и что теперь держится на каменной цепи, но после разорвет цепь и должен наконец овладеть всем миром. <...> Многие из Чиновников и благородного дворянства невольно подумывали тоже об этом...» (Гоголь, 2012: 668–669).

Нагнетание слухов и «пророчеств» в «Мертвых душах», упоминание здесь о приближении антихриста, угрожающего всему миру, говорит о том, что в «городских» главах поэмы Гоголь изобразил, как ранее в «Ревизоре», предапокалиптическое состояние общества, приближение последних времен — состояние, которое для кого-то, а именно для прокурора (человека, который обладал в городе «полной властью»¹⁴, но «по скромности» никогда «не показывал», есть ли у него «душа»¹⁵ — 5: 203), становится в действительности его «последним часом». Глубокий апокалиптический подтекст Гоголь сообщил ранее именно «Ревизору». Само создание пьесы было приурочено

¹⁴ В своем «объяснительном словаре» русского языка Гоголь поместил: «Прокурá, полная власть» (9: 440).

¹⁵ Как помещик Собакевич, в теле которого, по словам рассказчика, «казалось, <...> совсем не было души»: она, «как у бессмертного Кощея», была «за горами и закрыта <...> толстою скорлупою» (5: 98).

к 1836 г. — году, в который, согласно предсказаниям западных мистиков, должен был последовать конец света [Чижевский: 140], [Виноградов, 2000: 275–293; 2018: 67–84; 2019].

Апокалиптическому контексту «Ревизора» и «Мертвых душ» соответствует и сохранившийся в бумагах Гоголя набросок к завершающему, *третьему* тому поэмы, изображающий обличение чиновников на Страшном Суде:

«Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что Я на тебя гляжу <...>? Зачем же ты от людей, а не от Меня ожидал награды и вниманья, и поощренья? <...>».

Потупил голову, устыдившись, управитель, и не знал, куда ему деться.

И много вслед за ним чиновников и благородных, прекрасных людей, начавших служить и потом бросивших поприще, печально понурили головы» (5: 493).

В этом свете все носители сплетен в поэме, подобно «сорокам» Бобчинскому и Добчинскому в «Ревизоре», являются предшественниками лже-пророков последних времен — появление этих ложных «информаторов», суеверных «болотных огней» (5: 204) умножает неразбериху в обществе, ведет к духовной дезориентации. Гоголь подразумевает здесь евангельское свидетельство о конце света:

«Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец» (Мф. 24:6); «...многие лжепророки восстанут, и прельстят многих...» (Мф. 24:11); «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители... <...> И многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поношении» (2 Пет. 2:1–2); «...восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24:24).

Нелепые слухи — как прямое порождение городского «безделья» — приобретают в гоголевской поэме самое широкое прообразовательное значение, обращают к евангельскому первоисточнику. Позднее, в письме к А. О. Смирновой в 1849 г., Гоголь, как бы прямо комментируя распространение слухов в «Ревизоре» и «Мертвых душах», замечал:

«Что же касается до сплетней, то не позабывайте, что их выпускает чорт, а не люди, затем, чтобы смутить и низвести с того высокого спокойствия, которое нам необходимо для жития жизнью высшей...» (15: 284).

Еще одним «сходством», придающим поэме глубокий символический смысл, является характеристика в поэме современной словесности, т. е. потребляемой обществом литературы, которую писатель-сатирик тоже не выводит из-под своей нелицеприятной критики. Оторванная от жизни, эта мнимо-«просветительная», псевдо-значимая литература, в свою очередь, уподобляется Гоголем будоражащей чиновников «сплетне», обозначается как средство, с помощью которого люди «напускают <...> слепой туман друг другу в очи» (5: 204). Наглядной «иллюстрацией» этому служит в поэме исполненное нелепых догадок — и одновременно несомненных художественных достоинств — измышление почтмейстера о том, что Чичиков есть никто иной, как капитан Копейкин, являющееся, по сути, большой, широко развернутой, «высокохудожественной» «сплетней». К этому «литературному» ряду примыкает не менее сомнительный жанр ложно-мистической, масонской книжности. Именно сочинения западных мистиков — «Юнговы "Ночи"», «"Ключ к таинствам натуры" Эккартсгаузена» (5: 151) — читает рассказчик «Повести о капитане Копейкине». Почтмейстер, таким образом, выступает в поэме — в «презанимательном» рассказе о Копейкине (*Гоголь, 2012: 657*) и «таинственных» мистических увлечениях (родственных предсказаниям пророка в «нагольном тулупе») — своего рода «литератором» и «пророком» — источником пустых историй, сплетен и духовных заблуждений, присущих городским обывателям. В этом же ряду сочинений мнимой значимости находится и читаемый Чичиковым во время простуды «том герцогини Лавальер» (5: 204), «сочинение Жанлис» (*Гоголь, 2012: 693*) — роман об одной из фавориток французского короля Людовика XIV. «Достается» от автора «Мертвых душ» даже Жуковскому — за перевод баллады о «мертвом женихе» немецкого поэта Г. А. Бюргера «Ленора» (в переводе: «Людмила») — поэтического произведения, которому сам Гоголь в юности неумело подражал (в своем «немецком» «Ганце Кюхельгартене», 1827–1829). Эту балладу

искусно читает в поэме неюный и «весьма рассудительный» (5: 17) председатель палаты: «...знал наизусть "Людмилу" <...> и мастерски читал многие места...» (5: 151).

«Критику словесности» Гоголь представил также, характеризуя носителей «мертвых душ», в восьмой главе поэмы, в пересказе любовного письма к Чичикову неизвестной дамы — послания, «кудряво написанного», с «мыслями, весьма замечательными по своей справедливости»: «Что жизнь наша? — Долина, где поселились горести. Что свет? — Толпа людей, которая не чувствует» (5: 155); с строками из стихотворения Н. М. Карамзина «Доволен я судьбою...»: «Две горлицы покажут / Тебе мой хладный прах...» (5: 155). Повествователь при этом сообщает, что «стихи» «любит» главная городская сплетница — «дама, приятная во всех отношениях», владеющая даром к «сметливым предположениям» (5: 176, 198). В этом она прямо уподобляется «поэту»-сплетнику Ноздреву, который тоже в азарте «никак» не может отказаться от дополнительных «интересных подробностей» в рассказе о том, как Чичиков собирался увезти губернаторскую дочку (Гоголь, 2012: 672). Кроме того, в десятую главу было внесено — сразу за «Повестью о капитане Копейкине» — замечание о читателе, который «пропустит мимо создание Поэта, ясное, стройное, все проникнутое чудным согласьем и высокой мудростью простоты, и бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напутает, наплетет, выломает, изломает природу — это ему понравится, и он пойдет кричать: "Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!"» (Гоголь, 2012: 669–670). Слово «наплетет», употребленное при характеристике писаний литератора-«удальца», прямо намекает на их родство со сплетнями¹⁶.

¹⁶ Критика современной литературы ранее уже составляла предмет гоголевской «сатиры». Герои «Записок сумасшедшего» и «Ревизора» одинаково восклицают: «Скучно, братец, так жить: ищешь пищи для души, а светская чернь тебя не понимает» (7: 453); «...я требую [духовной] пищи, той, которая бы питала и улаждала <...> душу...» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.] / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. С. 204, 563 (сноска 8)); «Мне кажется, что разделять мысли, чувства и впечатления с другим есть одно из первых благ на свете». — "Гм! мысль почерпнута из одного сочинения, переведенного с немецкого. Названия не припомню" (3/4: 165); «...и Карамзин сказал: "Законы осуждают". Мы удалимся под сень струй...» (3/4: 282). Выдержанные «в духе тогдашнего времени» (5: 155), взятые из журналов и популярных

4. Тема бала в «Записках сумасшедшего» и «Мертвых душах»

В целом по поводу сплетен, слухов и светских условностей Гоголь оставил прямой автокомментарий. В одной из статей «Выбранных мест из переписки с друзьями» он замечал, что «уничтожение <...> сложности светских отношений <...> уменьшит непременно ссоры и неудовольствия, которые возникнули, как вихри, между обитателями городов» (6: 151), и что «вихрь возникнувших запутанностей» «застенил всех друг от друга» и отнял «почти у каждого простор делать добро и пользу истинную своей земле», приведя к «повсеместному помрачению и всеобщему уклонению всех от духа земли своей» (6: 148).

Уместно в этой связи еще раз обратить внимание на читаемое героем «Записок сумасшедшего» в газете «Северная Пчела» «приятное изображение бала, описанное курским помещиком» (3/4: 161). Как удалось установить, речь в повести идет о «Письме из Курска в столицу» неизвестного автора, напечатанном в газете 5 марта 1832 г.¹⁷ В «Письме из Курска...» содержится описание роскошного бала, устроенного для

альманахов (как куплеты из «Песни» Н. П. Николева, переписываемые героем «Записок сумасшедшего»: «"Душеньки часок не видя, <...> Лязь ли жить мне, я сказал". Должно быть, Пушкина сочинение» — 3/4: 161) — все эти псевдо-поэтические реплики героев «Ревизора», «Записок сумасшедшего», «Мертвых душ» содержат в себе не только насмешку над читателем, невольно искажающим «утонченный» пафос творческой музыки, но являются обличением очевидной «пошлости» самих «умилительных» излияний, избираемых для себя читателями в качестве *примера для подражания*. (В соответствии с приведенной репликой героя «Записок сумасшедшего» о стихах Николева — «должно быть, Пушкина сочинение» — Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» (1834) писал, что «под именем Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов»: «Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильною известностью» — 7: 275.) В еще большей степени гоголевская критика поражает бывшие на слуху литературные произведения, в которых поэтические «истины» являются откровенно негативными, пагубными, к примеру, в «послании в стихах Вертера к Шарлотте», читаемом Чичиковым в седьмой главе поэмы (5: 147), т. е. в предсмертном письме героя романа И. В. фон Гете «Страдания юного Вертера», которое тот написал возлюбленной накануне самоубийства. После публикации этого романа в Европе и России последовала целая эпидемия самоубийств.

¹⁷ П-в. Письмо из Курска в столицу // Северная Пчела. 1832. № 52. 5 марта. С. 1–3 [Электронный ресурс]. URL: <https://ivaldi.nlr.ru/pn000102942/view/?#page=1> (29.01.2024).

местного дворянства губернатором П. Н. Демидовым¹⁸. Письмо «курского помещика» является своего рода реальным комментарием к замечанию рассказчика в восьмой главе «Мертвых душ» о том, что губернаторский бал — «дело весьма обыкновенное в губернских городах: где губернатор, там и бал, иначе никак не будет надлежащей любви и уважения со стороны дворянства» (5: 156). «Курский помещик» в 1832 г. общал:

«...Курск не Мекка и не Париж <...>. Но здесь есть <...> причина <...> более привлекательная <...> — это благороднейшее желание Курского Губернатора, Павла Николаевича Демидова, изъявить Дворянству Губернии <...> *нелицемерное свое уважение, душевную преданность и усердную готовность*¹⁹, в ознаменование чего он дал 7-го Февраля блистательнейший бал в залах Благородного Собрания. <...> ...сладостнее всего было видеть бескорыстное и чистейшее желание Начальника Губернии заслужить любовь Дворянства: все чувства, все помышления его устремлены были к одной цели — снискать расположение оного. Вот пример, достойный подражания!»²⁰.

¹⁸ Демидов занимал эту должность с 1831 по апрель 1834 г. (см.: Северная Пчела. 1834. № 95. 30 апреля. С. 378); в 1836 г. собирался дать премию Гоголю за «Ревизора» [Виноградов. Летопись; т. 2: 543, 548–549, 551].

¹⁹ «Так сказано было в билетах» (П-в. Письмо из Курска в столицу. С. 3). Подразумевались пригласительные балльные билеты.

²⁰ П-в. Письмо из Курска в столицу. С. 2–3. В академическом издании 2009 г. в пояснении к словам повести о «приятном изображении бала, описанном курским помещиком», по-прежнему повторяется ошибочное предположение И. П. Золотусского (ничем не документированное), будто Гоголь имел здесь в виду какую-то статью Ф. В. Булгарина, изданную под псевдонимом «Чухонский помещик» [Золотусский: 153], [Дерюгина: 892].

6 и 7 июля 1832 г. в «Северной Пчеле» появились еще две публикации того же автора (подписанные тем же псевдонимом): повествование о курской Коренной ярмарке «Письма из Курска» (Северная Пчела. 1832. № 153. 6 июля. С. 3–4; № 154. 7 июля. С. 3–4). Второе письмо — тоже с панегирическим описанием бала: «...если бы бал сей дан был во Франции или в Англии, целые томы были бы наполнены описанием оного, в тысячи журналах прославляли бы имя хозяина!» (т. е. П. Н. Демидова) (Северная Пчела. 1832. № 154. 7 июля. С. 3). (В том же номере О. М. Сомов напечатал статью «Русалки» (<Гоголь Н. В., Сомов О. М.> Русалки // Северная Пчела. 1832. № 154. 7 июля. С. 4), являющуюся извлечением из заметки Гоголя «Малороссийские» предания, обычаи, обряды» в его рукописной «Книге всякой всячины, или Подручной энциклопедии» (1826–1830) (9: 540–542); см.: [Виноградов, 2021].)

Курский корреспондент отмечал:

«...Курск <...> ныне <...> превзошел самого себя... <...> Швейцарцы не успевают шить нарядов, купцы выписывать материй; ювелиры, винопродавцы, модные магазины стеклись из многих соседственных губерний... <...> Я не в силах описать <...> ту роскошь, то великолепие, которые отражались в каждом предмете сего чрезвычайного бала. <...> ...все, что самая роскошная гастрономия может изобрести для услаждения избалованного вкуса человека, все, что богатая природа и утонченное искусство Италии и Франции производит отличного в роде сластей и ликеров, здесь все было сосредоточено. <...> ...как желал бы я, чтоб ненавистные враги России <...> могли видеть сию картину величия и богатства оной! Как были бы удивлены они, найдя в Губернии, отдаленной от столиц <...>, общество столь изящное, убранства столь роскошные, и вкус, и великолепие столь уточненные! <...> В 5 часов по полуночи кончился сей блистательный бал. <...> Всех посетителей было около двух тысяч»²¹.

С восторженным описанием роскошного бала «курским помещиком» контрастирует, однако, то, что после холеры 1831 г. 1832 г. был в России неурожайным. Еще более бедственным стал следующий, 1833 г. Голодным и малоурожайным выдался и 1834 г. — год создания «Записок сумасшедшего». О неурожаях и дороговизне Гоголь упоминал в нескольких письмах к матери: от 3 декабря 1832 г., от 9, 30 августа и 22 ноября 1833 г., от конца марта — первых чисел апреля и от 15 декабря 1834 г. (10: 199, 221–222, 230, 250, 281). О «неурожаях прошедших» замечал Гоголь в письме к Г. И. Спасскому от 1 июня 1835 г. (11: 25). О «страшном голоде» 1833–1834 гг. вспоминала позднее и мать Гоголя [Виноградов. Летопись; т. 2: 186, 294]. 4 декабря 1833 г. в «Северной Пчеле», в специальном «прибавлении», была напечатана пространная статья Н. И. Тарасенко-Отрешкова (Атрешкова) «О веществах, удобнозаменяющих для народа ныне существующий недостаток в хлебе», в которой содержались советы по изготовлению хлеба из соломы, отрубей, картофеля, дубовых желудей, отходов винокурения,

²¹ П-в. Письмо из Курска в столицу. С. 1–3.

приготовления студня из костей²². Неурожаи случались и в последующие годы — в годы создания «Мертвых душ» — в 1836, 1838–1839 (см.: 11: 89, 275, 279).

Все это и «подразумевает» в восьмой главе «Мертвых душ» Чичиков, когда бранит, «несколько справедливо»²³, балы:

«Чтоб вас черт побрал всех, кто выдумал эти балы! <...> Ну, чему сдуру обрадовались? В губернии неурожаи, дороговизна, так вот они за балы! <...> Невидадь: что иная навертела на себя тысячу рублей! А ведь на счет же крестьянских оброков... <...> ... просто дрянь бал, не в русском духе, не в русской натуре...» (5: 169); «Набрались добра из чужого края. Умели самое лучшее перенять, как перевести последнюю копейку»²⁴.

Роскошный светский пир продолжается в «Мертвых душах», в десятой главе, в глазах голодного инвалида капитана Копейкина.

Вполне очевидно, «бальный», присущий бессмысленно-разорительной жизни мотив прочно вошел в круг обличений Гоголя уже в первой половине 1830-х гг. — чтобы предстать потом «стороной главной <...> общества» (5: 503) в период создания заметок «К 1-й части» и городских глав первого тома поэмы.

5. «Душевный город» художественных типов Гоголя

Можно, таким образом, сделать вывод, что по крайней мере *четырежды* Гоголь реализует в «Мертвых душах» тот замысел, который он изложил предварительно в наброске «К 1-й части» («...включить все сходства и внести постепенный ход»). Этому служит четырехкратное сопоставление слухов с другими ведущими к заблуждениям общественными явлениями: догадками псевдо-ученых, ошибками истории, мнимо-«духовной» литературой и прельщающими предсказаниями лже-пророков.

²² Атрешков Н. О веществах, удобнозаменяющих для народа ныне существующий недостаток в хлебе // Северная Пчела. 1833. 4 дек. Прибавление к №№ 276, 277 и 278. С. 1–6.

²³ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.] Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6 / тексты и коммент. подгот. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденштур. С. 805.

²⁴ Там же.

Наконец, как уже говорилось, в заключение одиннадцатой главы Гоголь помещает и пространное рассуждение о самих мотивах и особенностях его художнического обличения, о символических принципах изображения, которые он употреблял неизменно при создании произведений, в том числе «Ревизора», и которые потом, несколько лет спустя, были изложены им еще раз — в другой форме, но почти в той же последовательности — в «Развязке Ревизора» (см.: [Виноградов. Летопись; т. 2: 450–460; т. 3: 327–328]). (В новейших академических комментариях 2003 и 2012 гг. (см.: [Зайцева, Манн], [Виноградская, Гуревич, Дмитриева и др.]), к сожалению, были проигнорированы и эти — опубликованные еще в 1994 г. — факты [Виноградов, 1994: 553–554].) Речь идет о том, что «город» «Ревизора» является символическим изображением «душевного города» каждого человека — и автора, и читателя (3/4: 492), и что «город» «Мертвых душ», в свою очередь, — «вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают» (13: 153)²⁵. Важные размышления автора в заключительной главе первого тома о «городе» «Мертвых душ», в свою очередь, восходят к «прообразовательным» («преобразовательным») положениям заметок «К 1-й части» 1841 г.

Таким образом, с полным основанием можно сделать вывод о том, что уже в той редакции поэмы, которая была напечатана в 1842 г., Гоголь в полной мере развил идеи и образы, высказанные в предварительных набросках, придав картинам городских глав замышлявшееся символическое подобие «безделью» всего мира.

В этом свете определенно ошибочным является мнение современных комментаторов о том, что никаких прообразовательных «сходств», предполагавшихся Гоголем в набросках, в поэме, опубликованной в 1842 г., якобы не наблюдается, будто бы «пути» к такому изображению были лишь «намечены» Гоголем в заметках «К 1-й части» только «в самом общем виде» [Виноградская, Гуревич, Дмитриева и др.: 815]. Исследователи даже полагали, что «пути решения» поставленных в набросках «художественных задач» были «не до конца ясны

²⁵ Здесь же, в одиннадцатой главе, Гоголь вставляет в поэму прямую притчу — о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче (5: 236–237), — соответствующую общему притчеобразному характеру «Мертвых душ».

и самому автору» [Виноградская, Гуревич, Дмитриева и др.: 817]. Такие заявления приводились в качестве «аргумента», что заметки якобы написаны после выхода в свет первого тома поэмы, в 1845–1846 гг. Однако очевидно, что поставленные в наброске задачи были решены Гоголем не только в «общем виде», но и вполне конкретно — в тексте «Мертвых душ».

Содержание заметок «К 1-й части», в сопоставлении их с ключительными главами первого тома поэмы, говорит о глубоком символическом мышлении писателя, о способности художника воплощать отвлеченные идеи в реалистических, «живых» образах. Как указывала Е. Н. Купреянова, сохранившийся художественный «план» восьмой — одиннадцатой глав — это «непосредственное авторское свидетельство притчеобразной символики замысла, названия и всей художественной структуры "Мертвых душ"» [Купреянова: 571].

Собранные наблюдения еще раз говорят о том, что художественное творчество Гоголя носит глубоко сознательный, концептуальный характер. Доставшееся в «наследство» от В. Г. Белинского представление о будто бы «бессознательности» гоголевского гения критики не выдерживает. Очевидно и то, что для Гоголя литература — не средство достижения каких-либо политических целей (что всегда стояло за деятельностью Белинского и его «школы»), а отражение и постижение самой жизни, в том числе «искаженной», потерявшей свое истинное назначение, т. е. отступившей от первоначального замысла Творца. Именно отсюда — а не из нездорового отворачивания к «гносной действительности» (Белинский)²⁶, — явление гоголевской «сатиры».

Здесь наиболее уместен пример из житийной литературы. Подобно св. великомученице Екатерине, которая, несмотря на все свое внешнее благообразие, была в глазах Христа, до своего крещения, «помраченна <...> и безобразна»²⁷, взгляд художника, встречая негативные явления, «не может», т. е. не вправе, изображать их в положительном свете — только в негативном

²⁶ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 11. С. 483, 495, 529, 556, 563, 567, 571, 576–577, 580.

²⁷ <Димитрий Ростовский, свт.> Книга житий святых: [в 4 т.] Киев: Киевопечерская Лавра, 1764. [Т. 1]: на три месяца первая, еже есть: Септимврий, Октоврий и Ноемврий. С. 455.

и «сатирическом». Содержание набросков «К 1-й части» как подготовительного материала к главам первого тома «Мертвых душ» вполне подтверждает такой характер гоголевской «сатиры». «Мотивы» создания заключительных глав тома были именно такими, какими они предстают в наброске, а не «другими», якобы затем переосмысленными и подмененными, «придуманными» автором к уже написанному тексту. Вопреки укоренившимся шаблонам Белинского, мировоззренческого «перелома» в творчестве Гоголя не было.

Главный для характеристики гоголевской поэтики вывод, который следует из датировки набросков 1841 г., заключается в фактическом подтверждении того всегда испытываемого читателем ощущения, что произведения Гоголя являются чрезвычайно широким обобщением жизненных явлений. Отмеченные последовательные соответствия между черновым «планом» глав «Мертвых душ» и их конкретным наполнением с наглядностью указывают на то, что якобы стихийно приходящие в голову художника образы на самом деле подчинены строгому авторскому замыслу, единому «вектору смысла» произведения. За многозначностью художественного образа всегда стоит авторская мысль, заключенная в «живом» изображении. На глубоко осмысленном, «сознательном» характере своего творчества всегда настаивал сам Гоголь. Главный герой его «Развязки Ревизора» говорит об авторе комедии: «Дайте же ему хоть каплю ума, в котором вы не отказываете ни одному человеку» (3/4: 490). С. П. Шевырев в 1843 г. писал Гоголю: «Ты вносишь много света в нашу науку и доказываешь собою назло немцам, что творчество может быть соединено с полным сознанием своего дела» (12: 209). В 1842 г. он же, имея в виду «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления "Ревизора" к одному литератору» (1841), замечал о Гоголе: «Разбором характера Хлестакова в "Ревизоре" он доказал, как отчетливо понимает свои создания. "Мертвые души" исполнены также глубокомысленных замет о состоянии души Поэта и о том, как он сам смотрит на свои произведения»²⁸.

Возникшая на почве общехристианского символизма важнейшая, «сама себя сознающая» особенность художественного

²⁸ Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. № 8. С. 349.

гения Гоголя приоткрывает самые основы реализма писателя. Эти основы были впервые отмечены в творчестве Гоголя, еще при его жизни, архимандритом Феодором (Бухаревым). Согласно Гоголю, художнику для создания реалистической картины нужна не какая-то особая «идеология», или социальная «доктрина», или «философия». Необходимо отображение реальности в соответствии с теми законами и заповедями, которые лежат в основе мироздания. В 1847 г. Гоголь указывал: «Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, и пришел к Тому, Кто есть источник жизни» (6: 228). Этот органичный описываемому явлению подход и обеспечивал «реализм» гоголевских художественных образов. Как замечал в 1848 г. по поводу «Мертвых душ» архимандрит Феодор, «ужели еще не видно, что именно тайна Христова лежит в основании и поэзии, как и всей действительности»²⁹.

В финале первого тома поэмы Гоголь писал:

«Вы боитесь глубоко устремленного взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокий взор, вы любите скользнуть по всему недумаящими глазами» (5: 237).

Очевидно, что это было прямым призывом писателя к более внимательному чтению его произведений. В. В. Кожин в 1968 г. замечал о «Мертвых душах»: «Не будет преувеличением утверждать, что эта поэма — наименее понятное и освоенное из всех великих классических творений русского искусства слова» [Кожин: 73]. «...Мои сочинения, — замечал и сам Гоголь в 1843 г. по поводу желания публики видеть продолжение "Мертвых душ", — <...> писаны долго, в обдумывании многих из них прошли годы, а потому не угодно ли читателям моим тоже подумать о них на досуге и всмотреться пристальней» (12: 240). Один из первых биографов Гоголя П. В. Анненков сообщал в 1880 г. М. Е. Салтыкову-Щедрину: «...Гоголь <...> на требования друзей о выпуске 2-й части "Мертвых душ" отвечал: пускай раскусят хорошенько первую.

²⁹ <Феодор (Бухарев А. М.), архим.> Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб.: В Типографии Морского Министерства, 1861. С. 140.

Литература, как сено: прессованное и в кольцо свернутое долее держится»³⁰.

Образ внимательного, добросовестного читателя Гоголь вывел во втором томе поэмы:

«...не столько радовался ученик, когда пред ним раскрывалась какая-*<нибудь>* труднейшая фраза и обнаруживается настоящий смысл мысли великого писателя, как радовался он, когда пред ним распутывалось запутаннейшее дело» (5: 363).

При господствующей узкой специализации и «дробности» современных исследований наблюдения над поэтикой заключительных глав первого тома «Мертвых душ» ставят перед учеными задачу считаться с синкретическим мышлением писателя.

Список литературы

1. Виноградов И. А. Завязка Ревизора. Комментарий // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. / сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994. Т. 3/4. С. 548–555.
2. Виноградов И. А. Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 448 с.
3. Виноградов И. А. К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 6. С. 419–542.
4. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. Т. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 с.
5. Виноградов И. А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. М.: Вече, 2018. 320 с.
6. Виноградов И. А. Эсхатология комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 68–90 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1571049477.pdf (29.01.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2019.5801
7. Виноградов И. А. Итальянское эссе Н. В. Гоголя // Русская литература в российско-итальянском диалоге XXI в.: критика текста, поэтика, переводы / отв. редакторы М. И. Щербакова, Дж. Гини. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 76–96. (а)
8. Виноградов И. А. Эволюция текста: авторский комментарий Н. В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики.

³⁰ Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 19. С. 425.

2020. Т. 18. № 1. С. 146–174 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582891918.pdf (29.01.2024). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7202 (b)
9. Виноградов И. А. «Девтеро-гоголевское»: Н. В. Гоголь, О. М. Сомов и история двух статей в «Северной Пчеле» // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 196–219 [Электронный ресурс]. URL: http://litfact.ru/images/2021-21/06_Vinogradov.pdf (29.01.2024). DOI: 10.22455/2541-8297-2021-21-196-219
 10. Виноградов И. А. «Ревизор» Гоголя как комедия-трагедия. К проблеме жанра // Два века русской классики. 2024. Т. 6. № 1 (в печати).
 11. Виноградская Н. Л., Гуревич П. Ю., Дмитриева Е. Е., Зайцева И. А., Манн Ю. В., Мулина И. В., Супронюк О. К., Шолохова А. С. Мертвые души. Поэма. Том первый. Комментарий // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 7 / тексты и коммент. подгот. Н. Л. Виноградская, П. Ю. Гуревич, Е. Е. Дмитриева, И. А. Зайцева, Ю. В. Манн, О. К. Супронюк, А. С. Шолохова. Кн. 2. С. 297–852.
 12. Воропаев В. А. О датировке гоголевских заметок «К 1-й части» «Мертвых душ» // Русская литература. 1987. № 1. С. 179–185 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/RL-1987-1.pdf> (29.01.2024).
 13. Воропаев В. А. «Покойника встретить — к счастью»: народные приметы в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Русская речь. 2008. № 2. С. 114–117 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russkayarech.ru/ru/archive/2008-2/114-117> (29.01.2024).
 14. Гудзий Н. К. Николай Саввич Тихонравов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. 83 с.
 15. Дерюгина Л. В. Ключки из записок сумасшедшего. <Комментарий> // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2009. Т. 3 / тексты подгот. Л. В. Дерюгина; коммент. подгот. С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. С. 855–899.
 16. Елистратова А. А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа. М.: Наука, 1972. 302 с.
 17. Жданов В. А., Зайденшнур Э. Е. <Мертвые души. Том первый>. Комментарии // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [в 14 т.] [Л.]: АН СССР, 1951. Т. 6 / тексты и коммент. подгот. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур. С. 881–921.
 18. Зайцева И. А., Манн Ю. В. Комментарий // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2003. Т. 4 / тексты и коммент. подгот. И. А. Зайцева, Ю. В. Манн. С. 537–888.
 19. Золотусский И. П. Поэзия прозы. Статьи о Гоголе. М.: Сов. писатель, 1987. 240 с.
 20. Карнеев А. Д. Университетские чтения Н. С. Тихонравова в связи с его научно-литературными идеалами // Памяти Николая Саввича Тихонравова. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1894. С. 66–84.
 21. Кожин В. В. К методологии истории русской литературы (о реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. 1968. № 5. С. 60–82.

22. Купреянова Е. Н. Н. В. Гоголь // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 530–579.
23. Манн Ю. В. В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель — критика — читатель. М.: Книга, 1984. 415 с.
24. Марковский М. История возникновения и создания «Мертвых Душ» // Памяти Гоголя: научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца / под ред. Н. П. Дашкевича. Киев: Тип. Р. К. Лубковского, 1902. Отд. 2. С. 133–226. (Сер.: Чтения в Историческом Обществе Нестора-Летописца; кн. XVI.)
25. Медведева Е. А. Принципы создания научной биографии Н. С. Тихонравова в книге Н. К. Гудзия в свете истории развития жанра // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 2. С. 46–53 [Электронный ресурс]. URL: https://krfu.ru/portal/docs/F_256921100/153_2_gum_5.pdf (29.01.2024).
26. Сакулин П. В поисках научной методологии // Голос минувшего. 1919. № 1–4. С. 5–37.
27. Смирнова Е. А. О многозначности «Мертвых душ» // Контекст 1982. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1983. С. 164–191.
28. Смирнова Е. А. Поэма Гоголя «Мертвые души» / отв. ред. С. Г. Бочаров; АН СССР. Л.: Наука, 1987. 200 с. (Сер.: Литературоведение и языкознание.)
29. Тихонравов Н. С. Примечания редактора и варианты // [Гоголь Н. В.] Сочинения Н. В. Гоголя: в 7 т. / текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. 10-е изд. М.: Изд. книжн<ого> маг<азина> В. Думнова, под фирмою «Наследники бр. Салаевых», 1889. Т. 3. С. 412–613.
30. Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1951. № 27. С. 126–158.

References

1. Vinogradov I. A. The Beginning of The Government Inspector. A Comment. In: *Gogol' N. V. Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Gogol N. V. Collected Works: in 9 Vols]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994, vol. 3/4, pp. 548–555. (In Russ.)
2. Vinogradov I. A. *Gogol' — khudozhnik i myslitel': khristianskie osnovy mirosozertsaniya* [Gogol as an Artist and a Thinker: Christian Foundations of the Worldview]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., Nasledie Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)
3. Vinogradov I. A. On the History of the Creation and Publication of Gogol's Spiritual Prose. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [Gogol N. V. The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009, vol. 6, pp. 419–542. (In Russ.)

4. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). S rodoslovnoy letopis'yu (1405–1808). Nauchnoe izdanie: v 7 tomakh [Chronicle of Life and Works of N. V. Gogol (1809–1852). With a Genealogical Chronicle (1405–1808). Scientific Edition: in 7 Vols]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018, vol. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 p. (In Russ.)
5. Vinogradov I. A. *Strasti po Gogolyu. O dukhovnom nasledii pisatelya [Passion for Gogol. About the Spiritual Heritage of the Writer]*. Moscow, Veche Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)
6. Vinogradov I. A. Eschatology of the Comedy “The Government Inspector” by N. V. Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 68–90. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1571049477.pdf (accessed on January 29, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2019.5801 (In Russ.)
7. Vinogradov I. A. Italian Essay by N. V. Gogol. In: *Russkaya literatura v rossiysko-ital'yanskom dialoge XXI v.: kritika teksta, poetika, perevody [Russian Literature in the Russian-Italian Dialogue of the 21st Century: Text Criticism, Poetics, Translations]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, pp. 76–96. (In Russ.) (a)
8. Vinogradov I. A. The Evolution of the Text: The Author’s Comment by N. V. Gogol on the Poetics of the Comedy “The Government Inspector”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 146–174. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582891918.pdf (accessed on January 29, 2024). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7202 (In Russ.) (b)
9. Vinogradov I. A. “Deutero-Gogol’s”: N. V. Gogol, O. M. Somov and the History of Two Articles in “Northern Bee”. In: *Literaturnyy fakt [Literary Fact]*, 2021, no. 3 (21), pp. 196–219. Available at: http://litfact.ru/images/2021-21/06_Vinogradov.pdf (accessed on January 29, 2024). DOI: 10.22455/2541-8297-2021-21-196-219 (In Russ.)
10. Vinogradov I. A. Gogol’s “The Government Inspector” as a Comedy-Tragedy. On the Problem of Genre. In: *Dva veka russkoy klassiki [Two Centuries of Russian Classics]*, 2024, vol. 6, no. 1. (In Russ.) (Sent to Press)
11. Vinogradskaya N. L., Gurevich P. Yu., Dmitrieva E. E., Zaytseva I. A., Mann Yu. V., Mulina I. V., Supronyuk O. K., Sholokhova A. S. Dead Souls. Poem. Volume One. A Comment. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh [Gogol N. V. The Complete Works and Letters: in 23 Vols]*. Moscow, Nauka Publ., 2012, vol. 7, book 2, pp. 297–852. (In Russ.)
12. Voropaev V. A. On the Dating of Gogol’s Notes “To the 1st Part” of “Dead Souls”. In: *Russkaya literatura*, 1987, no. 1, pp. 179–185. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/RL-1987-1.pdf> (accessed on January 29, 2024) (In Russ.)
13. Voropaev V. A. “To Meet a Dead Person Is Fortunate”: Folk Signs in N. V. Gogol’s Poem “Dead Souls”. In: *Russkaya rech' [Russian Speech]*, 2008, no. 2, pp. 114–117. Available at: <https://www.russkayarech.ru/ru/archive/2008-2/114-117> (accessed on January 29, 2024) (In Russ.)

14. Gudziy N. K. *Nikolay Savvich Tikhonravov*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1956. 83 p. (In Russ.)
15. Deryugina L. V. Scraps from the Notes of a Madman. A Comment. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [Gogol N. V. *The Complete Works and Letters: in 23 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 2009, vol. 3, pp. 855–899. (In Russ.)
16. Elistratova A. A. *Gogol' i problemy zapadnoevropeyskogo romana* [Gogol' and the Problems of the Western European Novel]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 302 p. (In Russ.)
17. Zhdanov V. A., Zaydenschur E. E. Dead Souls. Volume One. Comments. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [Gogol N. V. *The Complete Works: in 14 Vols*]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951, vol. 6, pp. 881–921. (In Russ.)
18. Zaytseva I. A., Mann Yu. V. Comments. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [Gogol N. V. *The Complete Works and Letters: in 23 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 2003, vol. 4, pp. 813–824. (In Russ.)
19. Zolotusskiy I. P. *Poeziya prozy. Stat'i o Gogole* [Prose Poetry. Articles About Gogol]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. 240 p. (In Russ.)
20. Karneev A. D. University Readings of N. S. Tikhonravov in Connection with His Scientific and Literary Ideals. In: *Pamyati Nikolaya Savvicha Tikhonravova* [In Memory of Nikolai Savvich Tikhonravov]. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoy Publ., 1894, pp. 66–84. (In Russ.)
21. Kozhinov V. V. On the Methodology of the History of Russian Literature (About Realism of the 30s of the 19th Century). In: *Voprosy literatury*, 1968, no. 5, pp. 60–82. (In Russ.)
22. Kupreyanova E. N. N. V. Gogol. In: *Istoriya russkoy literatury: v 4 tomakh* [History of Russian Literature: in 4 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 2, pp. 530–579. (In Russ.)
23. Mann Yu. V. *V poiskakh zhivoy dushi: "Mertvye dushi". Pisatel' — kritika — chitalatel'* [In Search of a Living Soul: "Dead Souls". Writer — Critic — Reader]. Moscow, Kniga Publ., 1984. 415 p. (In Russ.)
24. Markovskiy M. The History of the Emergence and Creation of "Dead Souls". In: *Pamyati Gogolya: nauchno-literaturnyy sbornik, izdannyy Istoricheskim Obshchestvom Nestora-letopitsa* [Memory of Gogol: Scientific and Literary Collection Published by the Historical Society of Nestor the Chronicler]. Kiev, Tipografiya R. K. Lubkovskogo Publ., 1902, section 2, pp. 133–226. (Ser.: Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler; Book 16.) (In Russ.)
25. Medvedeva E. A. The Principles of Creating a Scientific Biography of N. S. Tikhonravov in the Book of N. K. Gudziya in the Light of the History of the Development of the Genre. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2011, vol. 153, book 2, pp. 46–53. Available at: https://kpfu.ru/portal/docs/F_256921100/153_2_gum_5.pdf (accessed on January 29, 2024) (In Russ.)

26. Sakulin P. In Search of Scientific Methodology. In: *Golos minuvshego*, 1919, no. 1–4, pp. 5–37. (In Russ.)
27. Smirnova E. A. About the Ambiguity of “Dead Souls”. In: *Kontekst 1982. Literaturno-teoreticheskie issledovaniya* [Context 1982. Literary and Theoretical Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 164–191. (In Russ.)
28. Smirnova E. A. *Poema Gogolya “Mertvye dushi”* [Gogol’s Poem “Dead Souls”]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 200 p. (Ser.: Literary Studies and Linguistics.) (In Russ.)
29. Tikhonravov N. S. Editor’s Notes and Options. In: *Gogol’ N. V. Sochineniya N. V. Gogolya: v 7 tomakh* [Gogol N. V. Works of N. V. Gogol: in 7 Vols]. Moscow, Knizhnyy magazin V. Dumnova, pod firmoyu “Nasledniki brat’ev Salaevykh” Publ., 1889, vol. 3, pp. 412–613. (In Russ.)
30. Chizhevskiy D. Unknown Gogol. In: *Novyy zhurnal* [The New Review]. New York, 1951, no. 27, pp. 126–158. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Игорь Алексеевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>; e-mail: info@imli.ru.

Igor’ A. Vinogradov, PhD (Philology), Chief Investigator, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>; e-mail: info@imli.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.01.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 29.03.2024

Принята к публикации / Accepted 15.04.2024

Дата публикации / Date of publication 13.05.2024